

УДК 343.2

doi: 10.21685/2072-3016-2024-1-7

Домашний арест: конкуренция с мерами пресечения, применяемыми по решению суда

В. В. Геранин¹, С. Н. Мальцева²

^{1,2}Филиал Московского университета имени С. Ю. Витте в г. Рязани, Рязань, Россия

¹gvvrzn@mail.ru, ²kafedraupd2015@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Совершенствование законодательства иногда приводит к результатам, которые первоначально не предусматривались законодателем. Дополнение ст. 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) частью 1.1. стало своего рода триггером, повлекшим в последующем внесение ряда новелл в главу 13 УПК РФ. Запрет применения заключения под стражу в отношении предпринимателей закономерно перенес внимание на его альтернативу (следующую по уровню строгости меру пресечения) – домашний арест. Однако изменение правовой природы домашнего ареста, выразившееся в изложении его дефиниции через изоляцию от общества, воссоздало проблему его применения для предпринимателей, поскольку новые ограничения более не позволяли им эффективно вести экономическую деятельность и даже приводили к банкротству предприятий. В 2018 г. УПК РФ был дополнен ст. 105.1, которая ввела четвертую меру пресечения, применяемую исключительно судом, – запрет определенных действий. Изоляция от общества, отсутствующая у данной меры пресечения, более не блокировала осуществление экономической деятельности, чего и добивался законодатель на протяжении почти 10 лет. Однако в результате новая мера лишь воспроизвела существовавший ранее (в первоначальной редакции) домашний арест. Цель работы – обосновать необходимость устранения конкуренции между мерами пресечения, применяемыми по решению суда. *Материалы и методы.* Использовались научные труды по исследуемой проблеме, материалы законодательной практики, а также результаты авторских исследований. Методологической основой послужил всеобщий диалектический метод познания. Также были реализованы следующие методы: логический, формально-юридический, социологический, экспертных оценок. *Результаты.* Было выдвинуто предположение о том, что существующая конкуренция между мерами пресечения снижает их эффективность и не позволяет достигать целей, поставленных перед ними уголовно-процессуальным законодательством. *Выводы.* Авторы пришли к выводу о возможности изъятия ст. 105.1. из главы 13 УПК. Одновременно с этим предлагается восстановить дефиницию домашнего ареста, закрепив ее через ограничения, связанные со свободой передвижения, а также исключить его избрание в отношении подозреваемых или обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений.

Ключевые слова: меры пресечения, заключение под стражу, домашний арест, запрет определенных действий, конкуренция

Для цитирования: Геранин В. В., Мальцева С. Н. Домашний арест: конкуренция с мерами пресечения, применяемыми по решению суда // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2024. № 1. С. 79–88. doi: 10.21685/2072-3016-2024-1-7

House arrest: competition with preventive measures applied by court decision

V.V. Geranin¹, S.N. Mal'tseva²

Ryazan Branch of the S.Yu. Witte Moscow University, Ryazan, Russia

¹gvvrzn@mail.ru, ²kafedrapd2015@yandex.ru

Abstract. *Background.* Improving legislation sometimes leads to results that were not originally envisaged by the legislator. The addition of Article 108 of the Code of Criminal Procedure to Part 1.1. became a kind of trigger, which subsequently led to the introduction of a number of novelties in Chapter 13 of the Code of Criminal Procedure. The ban on the use of detention against entrepreneurs naturally shifted attention to its alternative (the next most severe measure of restraint) – house arrest. However, the change in the legal nature of house arrest, expressed in the presentation of its definition through isolation from society, recreated the problem of its application for entrepreneurs, since new restrictions no longer allowed them to effectively conduct economic activities and even led to the bankruptcy of enterprises. In 2018, the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation was supplemented by Article 105.1, which introduced a fourth measure of restraint applied exclusively by the court – a ban on certain actions. Isolation from society, which is absent from this measure of restraint, no longer blocked the implementation of economic activity, which is what the legislator has been seeking for almost 10 years. However, as a result, the new measure only reproduced the previously existing (in the original version) house arrest. The purpose of the work is to substantiate the need to eliminate competition between preventive measures applied by court decision. *Materials and methods.* The article used scientific papers on the issue, materials of legislative practice, as well as the results of author's research. The methodological basis was the universal dialectical method of cognition. Also, during the preparation of the article, the following methods were implemented: logical, formal legal, sociological, expert assessments. *Results.* In the course of the study, it was suggested that the existing competition between preventive measures reduces their effectiveness and does not allow them to achieve the goals set for them by the criminal procedure legislation. *Conclusion.* The authors came to the conclusion about the possibility of removing Article 105.1. from Chapter 13 of the CPC. At the same time, it is proposed to restore the definition of house arrest, consolidating it through “restrictions related to freedom of movement”, as well as to exclude its election in relation to suspects or accused of committing particularly serious crimes.

Keywords: preventive measures, detention, house arrest, prohibition of certain actions, competition

For citation: Geranin V.V., Mal'tseva S.N. House arrest: competition with preventive measures applied by court decision. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2024;(1):79–88. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2024-1-7

Восстановление домашнего ареста в арсенале предупредительных мер уголовного судопроизводства существенно разнообразило возможности суда и органов предварительного расследования. У последних появилась возможность заменять при необходимости такую меру пресечения, как заключение под стражу, близкой ей по сущности, но более мягкой по содержанию. Это

соответствовало и проводимой в стране гуманизации карательной политики государства, предусматривающей использование принципа экономии репрессии при возможности достижения тех же целей более мягкими средствами.

Первоначально наиболее важный, сущностный признак домашнего ареста, закрепленный в ст. 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), был выражен через «ограничения, связанные со свободой передвижения», которые не позволяли подозреваемому или обвиняемому покидать место проживания лишь в определенное время. Чрезвычайно лаконичное изложение новой меры пресечения в законе существенно осложняло судам ее избрание, отчасти и поэтому ее применение до 2010–2011 гг. не превышало 0,5 % от заключения под стражу [1].

Начиная с 2008 г. в соответствии со ставшим в это время популярным лозунгом «прекратить кошмарить бизнес» начались разработки изменений в нормативные правовые акты, смягчающие правоограничения в отношении предпринимателей. Как отмечают исследователи, «практически все статьи, содержащиеся в гл. 22 “Преступления в сфере экономической деятельности” УК РФ, подверглись существенным изменениям и дополнениям. Причем различные юридико-технические исправления, направленные на частичную декриминализацию, вносились не по одному разу» [2, с. 45].

Несомненно, смягчение криминального законодательства не могло не затронуть и УПК. В частности, согласно Федеральному закону (ФЗ) от 22.12.2009 № 383-ФЗ ст. 108 УПК РФ, регламентирующая заключение под стражу, была дополнена ч. 1.1, установившей запрет заключать под стражу подозреваемых или обвиняемых в совершении ряда преступлений против собственности, если они совершены в сфере предпринимательской деятельности, а также совершивших некоторые преступления в сфере экономической деятельности. Соответственно, к таким лицам в качестве наиболее строгой меры пресечения стало возможным применение только домашнего ареста.

Это обстоятельство послужило своеобразным триггером для решения уже существовавшей и еще более обострившейся проблемы диспропорции между домашним арестом и заключением под стражу: за одинаковые по тяжести и общественной опасности преступления суд мог избрать несопоставимые по уровню правоограничений меры пресечения. И главное, по мнению законодателя, домашний арест в первоначальной редакции не мог уверенно препятствовать подозреваемым или обвиняемым в совершении опасных преступлений, продолжению их преступной деятельности.

Неадекватность меры пресечения тяжести преступления и потенциальной угрозе совершения нового, а также необходимость детализации порядка и условий применения домашнего ареста послужили основанием принятия ФЗ от 07.12.2011 № 420-ФЗ, согласно которому ст. 107 УПК РФ была подвергнута кардинальным изменениям. Ключевым из них стал запрет подозреваемому или обвиняемому покидать жилище, в котором он проживает. В результате дефиниция домашнего ареста в виде ограничений, связанных

со свободой передвижения подозреваемых и обвиняемых, была изменена на их нахождение в изоляции от общества в жилом помещении.

Изоляция от общества, ставшая сутью домашнего ареста, предопределила установление запрета поднадзорному лицу не только покидать жилище, но и исключение ряда других возможностей социального взаимодействия: общаться с определенными лицами, отправлять и получать корреспонденцию, использовать средства связи, включая Интернет.

Столь жесткое пресечение социальных связей подозреваемого и обвиняемого, действительно, сделали домашний арест достаточно суровым и теперь уже более сопоставимым в иерархии мер пресечения с заключением под стражу. В таком виде цель, которая преследуется при избрании любой меры пресечения – обеспечение надлежащего производства по уголовному делу, уже не контрастировала при избрании по меньшей мере за обвинение в совершении тяжких преступлений.

Такой подход законодателя стал постепенно сказываться и на судебной практике. Если в 2014 г. удельный вес домашнего ареста среди удовлетворенных ходатайств составлял 2,5 % от заключения под стражу, то к 2022 г. он возрос до 8,4 % [3].

Однако применительно к предпринимателям, как справедливо заметила профессор А. В. Ендольцева, изменения, внесенные в ст. 107 УПК РФ, стали препятствовать «возможности заниматься бизнесом» [4, с. 65]. Возникла та же проблема, из-за которой пришлось вводить ч. 1.1 в ст. 108 УПК РФ, только теперь в отношении домашнего ареста. То есть в отношении категории подозреваемых и обвиняемых, являющихся предпринимателями, две из трех мер пресечения, применяемых на тот момент по решению суда (заключение под стражу недопустимо, домашний арест нежелателен), стали неактуальными. Избрание оставшейся меры пресечения – залога – по разным причинам не могло применяться в большинстве случаев и потому было не в состоянии компенсировать выпадение первых двух.

В 2018 г. ФЗ от 18.04.2018 № 72-ФЗ в УПК была введена новая статья 105.1, установившая четвертую меру пресечения, избираемую только по решению суда, – запрет определенных действий. По существу, новая мера пресечения под другим названием воспроизвела уже имеющуюся – домашний арест, но в ее первоначальном варианте.

На наш взгляд, восстановление под другим названием меры пресечения, имеющей все признаки ранее применявшейся, но в редакции, изменившей ее правовую природу (домашний арест), – это один из немногих неудачных примеров формирования карательной политики России в постсоветский период ее развития. До этого схожая ситуация возникала, например, с таким уголовным наказанием, как ограничение свободы, которое в 2009 г. получило новую редакцию, превратившую его в наказание с тем же названием, но с совершенно другим содержанием. Первоначальная же его версия была восстановлена, но под другим названием – принудительные работы.

Главным, сущностным вопросом мер пресечения, без сомнения, является установление ограничений на свободу. Являющаяся особым социальным

и философско-правовым феноменом, «свобода индивида проявляется во всех сферах его жизнедеятельности – социальной, экономической, политической духовной». Но в данном контексте мы акцентируем внимание на физической свободе субъекта, которую «по-настоящему начинают ощущать лишь тогда, когда почему-либо ее утрачивают» [5, с. 86].

Утрата физической свободы подозреваемыми и обвиняемыми (свободы передвижения) в сочетании с остальными ограничениями, которые вправе назначить суд, максимально приблизили домашний арест к заключению под стражу. Разумеется, полного совпадения не произошло, поскольку условия содержания в домашних условиях и в камере следственного изолятора несравнимы. В то же время установление запрета на выход за пределы жилища позволяет вспомнить смысл принципа «золотой клетки», когда изоляция от общества компенсируется предоставлением узнику множества других ценных благ, допускаемых законодательством. Спустя некоторое время к нему приходит осознание того, что клетка, даже золотая, продолжает оставаться клеткой, а блага теряют свою ценность, когда отсутствует главное из них – свобода.

Введя запрет определенных действий, законодатель отчасти восстановил последовательность нарастания присущих системе мер пресечения правоограничений, утраченную после изменения редакции ст. 107 УПК РФ. Между заключением под стражу и домашним арестом, объединяемых утратой подозреваемым или обвиняемым физической свободы, и остальными мерами пресечения образовалась лагуна, которая и была заполнена. Главная отличительная особенность новой меры пресечения, обусловившая ее востребованность, – **ограничение** свободы передвижения. Во многих случаях его бывает достаточно для достижения целей уголовного судопроизводства.

Казалось бы, status quo восстановлен и система мер пресечения вновь приобрела заверченный вид. Однако практически сразу после включения запрета определенных действий в перечень мер пресечения в различных научных изданиях стали появляться высказывания, обосновывающие сомнения в необходимости такой меры. Так, Н. Н. Загвоздкин и С. А. Кузора не нашли ответа на вопрос о назначении данной меры пресечения, а также о том, чем она отличается от первоначальной версии домашнего ареста. И в результате пришли к выводу о том, что в запрете определенных действий необходимости нет [6, с. 84–85]. На несамостоятельность, производность новой меры указывает и И. В. Головинская, подчеркивающая, что она выступает «производной от содержания меры пресечения в виде домашнего ареста» [7, с. 162]. В итоге некоторые авторы высказали мнение о необходимости «исключить запрет определенных действий из системы мер уголовно-процессуального пресечения» [8, с. 89].

Следует отметить, что существует и иная точка зрения, сторонники которой уверены в полезности и востребованности запрета определенных действий. В частности, по мнению А. В. Ендольцевой данная мера пресечения, в отличие от заключения под стражу и домашнего ареста, «позволит

предпринимателю, находясь под следствием, заниматься законной предпринимательской и иной экономической деятельностью» [4, с. 65].

Позволим себе заметить, что прослеживается логическая цепочка причинно-следственных связей, в значительной степени повлиявших на все три меры пресечения. И связующим звеном между ними выступила вполне конкретная категория подозреваемых и обвиняемых, которую можно охарактеризовать как предприниматели. Вначале ст. 108 УПК РФ была дополнена ч.1.1, ограничившей применение заключения под стражу в отношении предпринимателей (2009 г.). Обусловленная заключением под стражу изоляция от общества более не позволяла им осуществлять свою деятельность как раньше, что приводило к ее приостановке или даже прекращению и вынужденному увольнению многих работников. В отношении предпринимателей наиболее строгой мерой пресечения стал домашний арест. Затем в 2011 г. была изменена редакция ст. 107 УПК РФ, вследствие чего ограничения, возникшие в связи с изменившейся правовой природой домашнего ареста (изоляция от общества), стали препятствовать предпринимательской деятельности. Наконец, в 2018 г. УПК РФ был дополнен ст. 105.1, которая ввела четвертую меру пресечения, применяемую исключительно судом – запрет определенных действий. Изоляция от общества, отсутствующая у данной меры пресечения, более не блокировала осуществление экономической деятельности, чего и добивался законодатель на протяжении почти 10 лет. Уточним, что еще одна из мер пресечения, применяемых по решению суда, – залог – применяется крайне редко¹.

Таким образом, подводя итоги анализа мер пресечения, избираемых исключительно судом, а также состояния их применения, можно прийти к следующим выводам.

1. Включение ч.1.1 в ст. 108 УПК РФ в известной мере повлекло последующие изменения главы 13 этого же кодекса. Запрет на применение в отношении предпринимателей заключения под стражу, первоначально воспринятый некоторыми авторами как нарушение конституционного принципа равенства всех граждан перед законом [9, с. 17], противоречащий принципу справедливости и увеличивающий социальные различия [10, с. 9], по-иному был расценен Конституционным Судом РФ, не нашедшим в новелле нарушения ст. 19 Конституции РФ². Как справедливо отметил В. В. Рудич, «норма, содержащаяся в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, является специальной по отношению к ч. 1 ст. 108 УПК РФ» [11, с. 158] и потому обладает несомненным приоритетом. Наиболее строгой из мер пресечения, применяемых к предпринимателям (небольшой по численности, но важной с точки зрения политики в сфере

¹ В 2022 г. доля удовлетворенных ходатайств об избрании залога среди мер пресечения, применяемых только по решению суда, составила 0,1 % [3].

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ибрагимов Гюльоглана Ханоглан оглы на нарушение его конституционных прав статьями 97 и 99 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ № 250-О-О от 24.02.2011 // Консультант Плюс. Официально опубликовано не было.

обеспечения экономической безопасности категории подозреваемых и обвиняемых), становится домашний арест.

2. Несовершенство правового регулирования оснований и условий применения домашнего ареста, а также явное несоответствие тяжести и общественной опасности вменяемого подозреваемым или обвиняемым в вину преступления, с одной стороны, и, с другой стороны, уровню правоограничений, составляющих содержание данной меры пресечения, привело к изменению редакции ст. 107 УПК РФ. По существу, обозначив домашний арест как изоляцию от общества, законодатель изменил его правовую природу и приравнял к заключению под стражу. Своего рода побочным эффектом внесенных изменений стало то, что изоляция от общества вновь стала препятствовать предпринимателям осуществлять их экономическую деятельность.

3. Дополнение перечня мер пресечения еще одной – запретом определенных действий – открыло окно возможностей для все тех же предпринимателей, к которым запрещено или нежелательно применять две иные, более строгие меры. Однако в результате, как заметили многие исследователи, новая мера лишь воспроизвела существовавший ранее (в первоначальной редакции) домашний арест. Ситуацию, по сути, можно охарактеризовать фразеологизмом «огород городить», подразумевающим выполнение хлопотного, напряженного дела, не имеющего реальной ценности.

4. На наш взгляд, следует согласиться с предложением ряда авторов относительно исключения запрета определенных действий из системы мер пресечения, однако не вследствие того, что пока нет «таких технологий, которые обеспечивают полный контроль за исполнением того или иного запрета» [12, с. 638]. Учитывая, что цифровизация все увереннее проникает в различные сферы жизни общества, можно предположить, что уже в недалеком будущем эффективность контроля значительно повысится. Мы полагаем, что изъятия меры пресечения в виде запрета определенных действий из главы 13 УПК РФ недостаточно. Одновременно с этим следует восстановить дефиницию домашнего ареста, закрепив ее через «ограничения, связанные со свободой передвижения». В дополнение суд может возложить на подозреваемых и обвиняемых запреты, предусмотренные в настоящее время ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ. Помимо устранения перечисленных выше недостатков, свойственных домашнему аресту и запрету определенных действий, будет исключена ныне существующая конкуренция между этими мерами пресечения.

Принятие данного предложения потребует и последующих изменений. Для устранения диспропорции между тяжестью преступления и уровнем правоограничений новой (предлагаемой нами) редакции домашнего ареста, а также снижением его конкуренции с заключением под стражу необходимо исключить его избрание в отношении подозреваемых или обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений.

Список литературы

1. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2010, 2011 г. Раздел 4 // Судебный департамент. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=951>
2. Зайцев О. А., Кашепов В. П., Нудель С. Л. Уголовная политика в отношении преступлений, совершаемых в сфере предпринимательской деятельности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 37. С. 40–56.
3. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2022 г. «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции» // Судебный департамент. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7645>
4. Ендольцева А. В. Запреты, налагаемые на подозреваемого или обвиняемого в качестве меры пресечения: дискуссионные вопросы // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 64–67.
5. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. 2-е изд. перераб. и доп. М. : Юристъ, 2001. 776 с.
6. Загвоздкин Н. Н., Кузора С. А. Запрет определенных действий. Анализ правоприменительной практики // Закон и право. 2018. № 12. С. 84–86.
7. Головинская И. В. О расширении перечня мер пресечения // Территория науки. 2018. № 2. С. 157–163.
8. Яковлева С. А., Кутянина А. С. Проблемы соотношения запрета определенных действий с другими мерами уголовно-процессуального пресечения // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2019. № 1 (17). С. 87–96.
9. Александров А. С. К вопросу о смысле правового предписания, содержащегося в части 1.1 ст. 108 УПК РФ // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 3 (7). С. 16–19.
10. Александров А. С., Александрова И. А. Новая уголовная политика в сфере противодействия экономической и налоговой преступности: есть вопросы // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 1 (6). С. 5–20.
11. Рудич В. В. К вопросу об изъятиях из запрета на заключение под стражу предпринимателей // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 398. С. 158–162.
12. Исаков В. С. О новой мере пресечения в виде запрета определенных действий // Аллея Науки. 2018. № 5 (21). С. 632–639.

References

1. Summary statistical information on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace for 2010, 2011. Section 4. *Sudebnyy department = Judicial department*. (In Russ.). Available at: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=951>
2. Zaytsev O.A., Kashepov V.P., Nudel' S.L. Criminal policy in relation to crimes committed in the field of business activity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Bulletin of Tomsk State University. Law*. 2020;(37):40–56. (In Russ.)
3. Summary statistical information on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace for 2022. “Report on the work of courts of general jurisdiction in the consideration of criminal cases at first instance”. *Sudebnyy department = Judicial department*. (In Russ.). Available at: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7645>

4. Endol'tseva A.V. Prohibitions imposed on a suspect or accused as a preventive measure: controversial issues. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti = Bulletin of economic security*. 2019;(1):64–67. (In Russ.)
5. Matuzov N.I., Mal'ko A.V. (eds.). *Teoriya gosudarstva i prava: kurs lektsiy = Theory of state and law: course of lectures*. 2nd ed. revised and expanded. Moscow: Yurist", 2001:776. (In Russ.)
6. Zagvozdkin N.N., Kuzora S.A. Prohibition of certain actions. Analysis of law enforcement practice. *Zakon i parvo = Law and right*. 2018;(12):84–86. (In Russ.)
7. Golovinskaya I.V. On expanding the list of preventive measures. *Territoriya nauki = Territory of science*. 2018;(2):157–163. (In Russ.)
8. Yakovleva S.A., Kutyanina A.S. Issues of correlation between the prohibition of certain actions and other measures of criminal procedural restraint. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki» = Bulletin of the Mari State University. Series "Historical sciences. Juridical sciences"*. 2019;(1):87–96. (In Russ.)
9. Aleksandrov A.S. On the question of the meaning of the legal prescription contained in part 1.1 of Art. 108 Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2010;(3):16–19. (In Russ.)
10. Aleksandrov A.S., Aleksandrova I.A. New criminal policy in the field of combating economic and tax crime: there are questions. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal = Criminologist's library. Science journal*. 2013;(1):5–20. (In Russ.)
11. Rudich V.V. On the issue of exceptions to the ban on imprisonment of entrepreneurs. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. 2015;(398):158–162. (In Russ.)
12. Isakov V.S. On a new preventive measure in the form of a ban on certain actions. *Alleya Nauki = Alley of Science*. 2018;(5):632–639. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Виталий Владимирович Геранин

кандидат юридических наук, доцент,
заместитель заведующего кафедрой
уголовно-правовых и гуманитарных
дисциплин, филиал Московского
университета имени С. Ю. Витте
в г. Рязани (Россия, г. Рязань,
Первомайский пр-кт, 62)

E-mail: gvvrzn@mail.ru

Vitaliy V. Geranin

Candidate of juridical sciences, associate
professor, deputy head of the sub-
department of criminal law and
humanitarian disciplines, Ryazan Branch
of the S.Yu. Witte Moscow University
(62 Pervomayskiy avenue, Ryazan,
Russia)

Светлана Николаевна Мальцева

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовно-
правовых и гуманитарных дисциплин,
филиал Московского университета
имени С. Ю. Витте в г. Рязани (Россия,
г. Рязань, Первомайский пр-кт, 62)

E-mail: kafedraupd2015@yandex.ru

Svetlana N. Mal'tseva

Candidate of juridical sciences, associate
professor, head of the sub-department of
criminal law and humanitarian disciplines,
Ryazan Branch of the S.Yu. Witte
Moscow University (62 Pervomayskiy
avenue, Ryazan, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 29.12.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 19.01.2024

Принята к публикации / Accepted 20.02.2024